

В.П. КАЗАКОВ

ИПОЛИТО ИРИГОЙЕН: ПРЕЗИДЕНТ-РЕФОРМАТОР АРГЕНТИНЫ (20-е годы XX века)

Иполито Иригойен – выдающийся государственный деятель Аргентины XX в. Как лидер радикальной партии – Гражданского радикального союза (ГРС) – он сыграл главную роль в демократизации политической жизни страны. Период его правления, Иригойен дважды занимал пост президента (1916–1922, 1928–1930), ознаменовался попытками перестройки модели экономического развития, проведения реформ, открывавших путь к самостоятельному капиталистическому развитию Аргентины. Будучи президентом, он боролся за обновление аргентинского общества на принципах социальной справедливости. Широко известным стало его заявление в послании конгрессу: "Демократия состоит не только в гарантии политической свободы, одновременно она содержит возможность для всех достигнуть хотя бы минимума счастья"¹.

В аргентинской истории первой половины XX в. не было политического деятеля столь любимого и в то же время столь ненавидимого, как Иригойен. О нем не было половинчатых мнений. Его принимали или отвергали целиком. Противники называли Иригойена "идолом толпы". Для них он был демагогом, невежественным, мстительным, смешным до нелепости и не способным на малейшее доброе чувство. Своим сторонникам лидер радикалов представлялся воплощением лучших человеческих качеств: великодушным, скромным, благородным, искренним и милосердным до святости.

Оценки современников нашли отражение в исторической литературе. Историки-радикалы называют Иригойена "святым мирянином" из-за монашеской строгости его жизни, целиком посвященной обновлению аргентинского общества². В трудах западных историков он предстает как популистский лидер, чья оппозиция олигархическому режиму объясняется личными мотивами и который использовал ГРС для прихода к власти³.

Иполито Иригойен родился 12 июля 1852 г. в предместье Буэнос-Айреса Бальванера. Он был третьим ребенком в семье иммигранта, французского баска Мартина Иригойена и креолки Марселины Алем. Дед Иполито по материнской линии Антонио Алем являлся активным сторонником диктатора Х.М. Росаса. Едва Иригойен появился на свет, как в семье произошла трагедия, связанная с политической борьбой в стране. После свержения Росаса Алема вместе с другими сторонниками диктатора судили и расстреляли на центральной площади Буэнос-Айреса, его труп несколько часов висел на виселице. Впоследствии была установлена невиновность деда Иригойена (его обвинили в причастности к смерти нескольких унитариев). Но для политических противников Иригойен остался внуком "повешенного", так же, как его дядя Леандро Алем – будущий основатель аргентинского радикализма – сыном.

Трагическая смерть деда наложила печать на детство Иригойена. Он рос грустным и замкнутым ребенком. У него не было друзей. Первые годы он провел со своими

Казакow Владимир Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ *Yrigoyen H. Pueblo y gobierno*, t. I – XII. Buenos Aires, 1956, t. IV, p. 260.

² *Luna F. Yrigoyen*. Buenos Aires, 1954, p. 13, 12.

³ *Rock D. Politics in Argentina. 1890–1930. The Rise and Fall of Radicalism*. Cambridge, 1975, p. 52.

братьями и сестрами: Роке и Мартином, Амалией и Марселиной. В 1861 г. Иполито отдали в колехио, где учились дети небогатых басков. Первое время он отставал в учебе, но вскоре вышел в первую десятку. Сын унаследовал от отца упорство и настойчивость, стойкость в преодолении трудностей. Через год его перевели в колехио "Америка дель Суд". К этому времени Мартин Иригойен нажил небольшое состояние на торговле скотом, что позволило ему дать всем пятерым детям образование.

На формирование мальчика большое влияние оказывал Л. Алем. Будучи на десять лет старше своего племянника, он выступал в роли старшего брата, заступника и покровителя. Алем же был одним из его учителей. В колехио "Америка дель Суд" он преподавал философию. От него Иригойен впервые услышал о философии И. Канта, познакомился с его этикой. В то время Кант был мало известен в Аргентине. Его произведения стали новинкой в Буэнос-Айресе. Алем читал некоторые работы немецкого философа в переводе на французский и испанский.

Старший Иригойен хотел, чтобы сын выучил французский, но очень скоро выяснилось, что у Иполито нет склонности к иностранным языкам. В свободное от учебы время Иригойен помогал отцу, с детства познав каждодневный труд. Это воспитало в нем дисциплинированность, организованность и методичность в работе. Он рано начал самостоятельную жизнь. Его тяготила зависимость от отца, с которым он не ладил. Поэтому, еще не закончив колехио, Иригойен начал работать. Алем помог ему устроиться в адвокатскую контору переписывать бумаги.

По окончании колехио, в неполные 18 лет Иригойен вслед за Алемом занялся политической деятельностью. Вместе с Алемом в политику пришло новое поколение (А. дель Валье, И. Иригойен), которое заявило о себе как о продолжателях дела Майской революции 1810 г.: борьбы за свободу. Новое поколение политиков ставило главной целью утверждение в стране политической демократии. Идея суверенитета народа стала центральной темой всех программных документов будущих радикалов, начиная с клубов "Равенства", "25 Мая" и республиканской партии, написанных Алемом и под которыми также стоит подпись Иригойена. Зарождение демократического движения было ответом на усиление консервативных начал в политике правящих кругов, стремившихся положить конец и той ограниченной демократии, которая существовала прежде всего в Буэнос-Айресе, после свержения диктатуры Росаса и до федерализации Буэнос-Айреса в 1880 г.

В 1872 г., когда Алема избрали депутатом законодательного собрания провинции Буэнос-Айреса, он выхлопотал для племянника место комиссара полиции Бальванеры. Иригойену только что исполнилось 20 лет. Несмотря на свою молодость, он вскоре заставил уважать себя как подчиненных, так и преступников, которые поначалу не принимали всерьез юного комиссара. Иригойен был высоким, крепкого телосложения и выглядел старше своих лет. Но не физической силой и отвагой, которыми он, несомненно, обладал, завоевал новый комиссар авторитет в своем участке, населенном погонщиками скота и рабочими скотобоев, многие из которых были не в ладах с законом.

Здесь впервые проявилась способность Иригойена привлекать и убеждать людей. Среди преступников он развернул настоящую проповедническую работу: беседовал с ними, заставляя их задумываться о своих поступках, обещать, что они изменят свое поведение. И многие из них уходили от него раскаявшимися, полными почтения к этому юноше, более похожего на священника, чем на полицейского.

Впоследствии Иригойен признавал, что годы работы комиссаром были чрезвычайно полезными для него. Он научился разбираться в людях, узнал методы работы полиции, с которыми позже, уже будучи во главе ГРС, ему пришлось бороться, готовя вооруженные восстания.

Работа в полиции оказалась полезной и еще в одном отношении. Хорошо оплачиваемая, она позволила Иригойену продолжить учебу. В 1873 г. он был зачислен на юридический факультет университета Буэнос-Айреса. Его не прельщала карьера адвоката, однако юридическое образование открывало дорогу в большую политику.

Иригойену не было и 21 года, когда он влюбился в дочь полицейского, но не женился на ней. Однако когда у него родилась дочь Елена, он не бросил ее. Со временем он дал дочери хорошее образование. Позднее Елена стала членом семьи Иригойена и оставалась с отцом до самой его смерти. В жизни Иригойена было много женщин, но он так и не женился ни на одной из них. Политические противники усматривали в этом свидетельство его глубокой аморальности. Сторонники объясняли одиночество Иригойена тем, что он посвятил всего себя политической борьбе и у него не оставалось времени на семью.

В 1877 г. в результате неудачных для республиканцев губернаторских выборов Иригойен лишился места комиссара полиции. Однако республиканская партия включила его в списки кандидатов на выборах в провинциальную легислатуру и в 1878 г., пока он сдавал последние экзамены на факультете, его избрали депутатом.

Два года продолжалось депутатство Иригойена. Он не принимал активного участия в дебатах, выступив лишь однажды при обсуждении бюджета. В 1880 г. при поддержке А. дель Валье он стал депутатом национального конгресса. Его деятельность в конгрессе была столь же незначительной, как и в легислатуре. Он часто отсутствовал и редко выступал. Запомнилось его выступление против повышения зарплаты депутатам. Он был единственным, кто выступил против, обосновав свою позицию доводами общественной морали.

Пассивность Иригойена объяснялась политическими причинами. Он быстро понял, что установившийся после федерализации Буэнос-Айреса олигархический режим свел роль представительных органов к нулю. Быть декоративной фигурой Иригойен не желал, и он ушел из политики, как незадолго до этого сделал Алем, несогласный с федерализацией Буэнос-Айреса. Прекратила свое существование и республиканская партия.

Иригойен не мог принять установившиеся в стране порядки: повсеместную коррупцию в правящих кругах, когда в стремлении к обогащению любой ценой исчезла всякая совесть и щепетильность. Многие его знакомые пошли по этому пути и разбогатели или увеличили свои состояния. Иригойен не собирался незаконно обогащаться. Не стал он заниматься и юридической практикой, понимая, что заработать этим большие деньги можно, лишь защищая неправомерные дела. Иригойен решил посвятить себя делу просвещения.

В 1881 г. Иригойен стал преподавать историю и философию в женском педагогическом училище. Его педагогическая деятельность продолжалась 25 лет и все эти годы он жертвовал свою зарплату учителя в пользу детской больницы и приюта. Письмо Иригойена с соответствующей просьбой директриса училища без его ведома опубликовала в газетах. У многих читателей это вызвало удивление, другим такой поступок представлялся как образец поведения в эпоху всеобщей коррупции. Однако никто не последовал его примеру.

Поведение Иригойена вытекало из его морально-этических воззрений. В эти годы завершилось становление его идейно-политических взглядов, на которые большое влияние оказал К.Ф.Ф. Краузе, сделавший моральные принципы лейтмотивом своей философии. Иригойен не читал самого Краузе и усвоил морально-политическую сторону учения немецкого философа через работы его испанских последователей: Хулиана Саенса дель Рио, Эмилио Кастельяра, Николаса Сальмерона и Франциско Пи и Моргалы. Краусизм имел широкое распространение в Испании и Латинской Америке во второй половине XIX в. Краусисты были последовательными демократами, они верили во всеобщее избирательное право как панацею от всех общественных зол. Краусизм Иригойена отличался от классического, который ратовал за отделение церкви от государства, за развод. Напротив, Иригойен стремился придать ему католический оттенок. Он выступал против развода и отделения церкви.

В это же время изменилось социально-экономическое положение Иригойена. 1880-е годы были периодом экономического бума и депутату национального конгресса не составляло труда получить кредит в банке и купить две эстансии. Он стал специализиро-

ваться на инвернаде – покупке скота и его откорме в течение зимы с последующей прибыльной продажей. Дела пошли успешно, сказалося, видимо, опыт, приобретенный в годы, когда он помогал отцу в торговле скотом. Ему нравилась сельская жизнь. Однажды он напишет: "Работа была законом моей жизни и труд на природе – способом моего существования"⁴. Иригойен быстро погасил долг банку, а на полученную прибыль купил еще одну эстансию. Его состояние оценивалось в несколько миллионов песо. Иригойена никогда не прельщало богатство как таковое. Оно было нужно ему для осуществления его идеалов. Впоследствии он тратил свое состояние на нужды радикальной партии в борьбе с олигархическим режимом. Так, для финансирования восстаний 1893 и 1905 гг. он продал две эстанции. Отношения в эстансиях строились на патриархальной основе, когда пеоны были не просто работниками, а частью семьи. Они получали значительно большую зарплату, чем это обычно было принято. Помимо зарплаты рабочие участвовали в прибылях в соответствии с трудовым вкладом каждого.

Начавшийся в 1889 г. экономический и последовавший за ним политический кризис побудили Алема и Иригойена вернуться к политической деятельности. С возникновением демократического движения Иригойен присоединяется к нему, участвует в антиолигархическом восстании в Буэнос-Айресе в июле 1890 г. Несмотря на его поражение продолжает вместе с Алемом борьбу за установление демократического режима. После образования в 1891 г. ГРС во главе с Алемом Иригойен руководит его организацией в провинции Буэнос-Айрес. В серии вооруженных восстаний радикалов 1893 г. наибольшей организованностью отличалось выступление в провинции Буэнос-Айрес под руководством Иригойена.

В это время проявились характерные черты Иригойена как политика. Он не был публичным политиком, предпочитая действовать из-за кулис. Иригойен не участвовал в уличных манифестациях, не выступал перед массами, а вел рутинную организационную работу. В практической деятельности он вел самостоятельную политику, не считаясь с центральным руководством. Он отдавал должное Алему как народному трибуну и организатору легальной борьбы партии, но, наблюдая его в дни июльского восстания 1890 г., пришел к выводу, что его дядя не обладал качествами, необходимыми для руководителя вооруженной борьбой. Несмотря на расхождения с Алемом, он никогда не критиковал его, всегда отзывался о нем с уважением.

Отсутствие единства в руководстве ГРС имело роковые последствия для исхода вооруженных восстаний, которые не вылились в общенациональную борьбу против олигархического режима и были быстро подавлены армией.

После поражения восстаний ГРС вступил в полосу кризиса. Какую политическую линию должны выработать радикалы в изменившихся условиях, когда начавшееся хозяйственное оживление способствовало стабилизации политического положения в стране и сохранению олигархического режима? Ясного и определенного ответа у Алема не было. Видимо, в эту пору начался его душевный кризис, который привел лидера ГРС к самоубийству в 1896 г.

Смерть Алема обострила наметившиеся ранее противоречия внутри радикальной партии. ГРС оказался перед выбором: превратиться в оппозиционную партию в рамках существующей политической системы или продолжить борьбу с олигархическим режимом. Большинство в руководстве ГРС выбрало первый путь, несмотря на решительную оппозицию Иригойена, который не надеялся переубедить своих оппонентов. Для борьбы с ними он избрал другой путь: роспуск ГРС Буэнос-Айреса. Его действия не привели к расколу. С прекращением деятельности крупнейшей организации и в условиях слабости ГРС в других провинциях радикальная партия просто исчезла с политической сцены, а ее верхушка интегрировалась в режим. Тем самым был расчищен путь для воссоздания ГРС на принципах непримиримости к олигархическому режиму.

⁴ Galvez M. Vida de Hipólito Yrigoyen. Buenos Aires, 1973, p. 70.

В течение пяти лет Иригойен готовил возрождение ГРС. Любой другой на его месте уже давно бы отказался от этого из-за массы трудностей. Но его оптимизм, упорство и настойчивость не уменьшались с годами. В Буэнос-Айресе в доме на улице Бразиль он принимал сотни посетителей. Через своих бесчисленных эмиссаров он связывался со всей страной. Посетители отмечали силу его убеждения, идеализм. Он неустанно проводил главную мысль: необходима свобода выборов, это панацея от всего плохого.

Реорганизация ГРС завершилась в 1904 г., когда было образовано руководство – Национальный комитет во главе со старейшим деятелем радикализма П. Молиной. Иригойен стал почетным президентом. Однако для всех было ясно, что именно он является истинным лидером партии. Власть Иригойена происходила не от занимаемого поста, а из авторитета его личности, цельности, силы и постоянства его убеждений.

Обновленный ГРС взял курс на вооруженное свержение режима. Иригойен считал восстание морально оправданным, когда оно происходит быстро и без пролития крови. Он привлек к выступлению многих молодых офицеров. Организованное им восстание произошло 4 февраля 1905 г. Планам Иригойена на бескровный переворот не суждено было сбыться. Власти, заранее уведомленные о дне восстания, приняли энергичные меры. Верные правительству войска заняли столичный арсенал и под угрозой немедленного расстрела на месте вынудили восставших офицеров сдаться. После поражения в столице радикалы, несмотря на победу в ряде провинций, сложили оружие. Иригойен не желал, чтобы борьба с режимом переросла в гражданскую войну.

Несмотря на поражение восстание имело широкий общественный резонанс. Страна узнала, что тысячи людей как гражданских, так и военных готовы жертвовать жизнью во имя своих убеждений. Везде говорили об Иригойене, о скромности, в которой живет этот "аскет демократии", о его жизни, посвященной борьбе за идеалы свободы. В народе его стали считать "Апостолом свободы", пророком, который возвещает приход счастья. Военное поражение обернулось моральной победой радикалов.

После 1905 г. стали быстро расти ряды ГРС. Радикалы стремились объединить в своих рядах представителей практически всех общественных классов и социальных групп, людей с различным мировоззрением: от крупных землевладельцев до пеонов, от предпринимателей и лиц свободных профессий до рабочих, от католиков до атеистов, но только аргентинских граждан. Радикалы не вели работу среди иммигрантов.

Установка Иригойена на радикализм как общенациональное движение, отказ от выработки конкретной программы, помимо требования соблюдения конституции, вызвала острые разногласия в ГРС, которые приняли доктринальный характер. Группа руководящих деятелей во главе с Молиной выразила несогласие с проводимой Иригойеном политикой и покинула ГРС.

Разногласия не привели к кризису ГРС и остались бы эпизодом внутривнутрипартийной борьбы, если бы не реакция Иригойена: он единственный раз в своей жизни вступил в публичную полемику. Авторитет Молины, видимая сила его аргументов вынудили лидера радикалов сделать это, чтобы избежать дезориентации своих единомышленников. Polemica Иригойен – Молина длилась всю вторую половину 1909 г. и содержит шесть писем: по три с каждой стороны, которые сразу же публиковались в периодической печати. Эти письма, а также написанная впоследствии Иригойеном книга "Моя жизнь и моя доктрина" стали важнейшим развитием радикализма как концепции жизни и предназначения нации, которая получила по имени своего создателя название иригойенизма.

Иригойенизм, ставший доктриной ГРС, способствовал его консолидации как общедемократического движения вокруг фигуры Иригойена, который, не занимая официального поста партийного руководителя, был его вождем и идеологом.

Краеугольным камнем иригойенизма была идея "морально-этического исправления" аргентинского общества. Иригойен видел корень зла в повреждении общественной морали⁵. В этом крылась причина как недопущения властями свободных выборов,

⁵ *Yrigoyen H. Pueblo y gobierno*, t. II, p. 120–121.

так и апатия народа. Зло не могло быть вылечено в рамках режима. Нужна была революция. Иригойен рассматривал ее как состояние духовного восстания⁶. В такой трактовке насилие носило, прежде всего, моральный характер и являлось частью триады: революция, непримиримость и абсентеизм.

Вся триада, по мысли Иригойена, имела революционный характер. Непримири-мость воспитывала сознание недопустимости соглашения с режимом. Абсентеизм означал отказ радикалов от участия в мошеннических выборах. Эти способы политического действия комбинировались в рамках радикальной революции, которая совершалась как мирным, так и вооруженным путем и преследовала цель морального возрождения нации, восстановления ее институтов и суверенитета⁷.

Задача установления демократии могла быть решена только общенациональным движением⁸. Необходимость революции радикализма вытекала из предшествующего развития страны. В истории Аргентины Иригойен выделял три важнейших события: независимость, национальную организацию и появление радикализма. Этим событиям соответствовали три революции: против Испании – за независимость, против диктатуры Росаса – за свободу, против олигархического режима – за суверенитет народа. Радикализм призван был не только завоевать власть и освободить народ от господства олигархии, но и внести в него гражданское сознание⁹.

Таким образом, конституционные установления, которые существовали сами по себе, вне сознания человека, стали бы существовать в нем самом. Формирование политического сознания через этику вело к формированию гражданина вне зависимости от его классовой принадлежности, прививало чувство надклассовой общности – нации. Национализм Иригойена носил демократический характер, служил средством распространения прав и обязанностей "общей гражданской жизни" на все общественные классы и преследовал цель "положить конец антагонизму между народом и правительством"¹⁰.

Взгляд Иригойена на ГРС как общенациональное движение – "мы сама родина" – имел характер гражданской религии. Иригойен видел себя не политическим руководителем, а проповедником, представлял свою деятельность как "апостольскую миссию", а "радикализм как освободительную религию", который дал "новую политическую мораль и внушил чувство моральной ответственности за судьбу человека"¹¹.

Из морально-этической концепции Иригойена органично выросли патриотизм и интернационализм, неприятие войн. "Народы священны для народов, – утверждал Иригойен, – а люди священны для людей"¹². Эти взгляды Иригойена впоследствии в немалой степени обусловили его политику нейтралитета во время Первой мировой войны и стали отправной точкой в развитии радикализма как антиимпериалистического движения.

В доктрине Иригойена нация реализовалась в государстве, которое носило надклассовый характер, регулировало взаимоотношения различных классов и слоев аргентинского общества. Оно было обязано соблюдать интересы всего общества, а не только его состоятельной части, быть защитником и покровителем трудящихся, проводить политику социальной справедливости¹³. Отсюда – один шаг до превращения его в двигатель национального развития, что нашло отражение в действиях Иригойена позднее на посту президента страны.

⁶ Yrigoyen H. *Mi vida y mi doctrina*. Buenos Aires, 1984, p. 79.

⁷ *Ibid.*, p. 108.

⁸ Yrigoyen H. *Pueblo y gobierno*, t. II, p. 123–125.

⁹ Yrigoyen H. *Mi vida y mi doctrina*, p. 84, 131, 124.

¹⁰ *Ibid.*, p. 125.

¹¹ *Ibid.*, p. 49, 91, 121.

¹² *Ibid.*, p. 60.

¹³ *Ibid.*, p. 50.

Борьба ГРС во главе с Иригойеном за демократизацию политической системы увенчалась успехом в 1912 г., когда аргентинский конгресс принял закон о всеобщем избирательном праве при обязательном и тайном голосовании. В 1916 г. на первых демократических выборах Иригойен был избран президентом Аргентины.

В атмосфере народного энтузиазма и ликования 12 октября 1916 г. Иполито Иригойен занял президентский пост. Первого демократически выбранного президента приветствовала стотысячная толпа, собравшаяся на площади Конгресса, балконах и крышах близлежащих зданий. Когда Иригойен поднялся в парадную карету, чтобы следовать в Розовый дом, толпа распрягла лошадей и сама повезла карету по улицам, заполненным народом, который приветствовал "апостола свободы". Иностранцы дипломаты отмечали необычный характер церемонии, далеко вышедший за рамки протокола и не сравнимой с аналогичными представителями, которые им приходилось наблюдать в других странах при вступлении в должность президентов или коронации монархов.

С победой Иригойена в политическую жизнь пришел народ. Суть перемен выразил секретарь сената, который, как и все консерваторы с осуждением смотрел на вторжение "плебса" в политику: "Мы перешли с легких туфель на альпаргату (Альпаргата – полотняная обувь на подошве из пеньки, которую носили бедняки. – В.К.)"¹⁴. Консервативная оппозиция развернула кампанию по дискредитации Иригойена. Высшие классы считали себя обделенными, лишенными того, что как они полагали, им принадлежит по праву – управление страной. Для них Иригойен со своими сторонниками были "сбродом". Иригойен оскорбил общество, правя со "сбродом", а не с "приличными людьми". Его скромность, аскетизм стали поводом для насмешек, зубоскальства. Иригойена считали гаучо и называли касиком. Все его действия объяснялись предвыборными соображениями.

Иригойен на посту президента остался верен своим моральным принципам. Он не использовал власть для личного обогащения. Свое президентское жалованье он жертвовал в пользу неимущих. Будучи президентом, Иригойен продолжал жить в скромном доме, по всеобщему мнению никак не соответствовавшему его высокому положению, который получил у его политических противников название "пещеры на улице Бразиль". Он не изменил своего образа жизни. Как и прежде, Иригойен избегал публичности, не позволяя себя рисовать и показываясь перед публикой только на официальных церемониях.

В личной жизни Иригойен продолжал быть отшельником, не посещал театров, кино. Он был, по-видимому, одним из немногих, кто не видел фильмов с участием Чарли Чаплина. Он был мягким в обращении, никто не слышал от него грубого слова. Он никогда прямо не отказывал. Одному депутату, который хотел стать интендантом (главой городской власти) Буэнос-Айреса, он ответил: "Подождите, что я буду делать без вас в палате?" А интенданту, переизбрания которого на новый срок он не хотел, он сказал: "Ваше счастье, что заканчивается ваш срок и вы можете отдохнуть". Он был верным и хорошим другом, если не ставились под вопрос политические интересы. Одного близкого он упрекнул: "Вы хотите быть политиком и говорите, что можете рисковать для друга. У меня нет друзей"¹⁵.

Внешность и манеры Иригойена внушали доверие, располагали к себе. Это впечатление усиливалось, когда он начинал говорить. Кто-то заметил, что его голос "производит театральный эффект, не будучи напыщенным". Знавшие Иригойена считали, что он обладал "дьявольским искусством очаровывать и привлекать". В его присутствии самый последний из простонародья чувствовал себя удобно. Это искусство приблизить к себе собеседника делало Иригойена чрезвычайно симпатичным. Но это не

¹⁴ Roque A. Poder militar y sociedad política en la Argentina. Buenos Aires, 1978, p. 138.

¹⁵ Galvez M. Op. cit., p. 211, 220.

значит, что он не поддерживал дисциплину и иерархию среди своих сторонников. Никто не обращался к нему на "ты". Для всех он был "доктором Иригойеном".

С первого дня президентства Иригойен сосредоточил все нити управления в своих руках, стараясь вникать во все вопросы. Он быстро схватывал суть дела. Специалисты отмечали легкость, с которой он все понимал. Людей удивляла его универсальность: "Он знает все". Он обладал наполеоновской памятью. Никогда не забывал ни людей, ни имен. Политические противники называли его правление персоналистским. Он же был убежден, что выполняет провиденциальную миссию.

Когда Иригойен стал президентом, в мире третий год шла война. С вступлением США в войну большинство латиноамериканских стран последовало их примеру. Иригойен, несмотря на сильное давление как внутри страны, так и вне ее, не позволил втянуть Аргентину в войну. По его глубокому убеждению мировая война противоречила национальным интересам Аргентины. В самом факте нейтралитета не было ничего необычного. Из всех государств тогдашнего мира далеко не одна Аргентина оставалась нейтральной.

В отличие от других стран нейтралитет Аргентины не был пассивным. Иригойен постарался превратить его в орудие перестройки международных отношений. Имелись в виду межамериканские отношения. Перед лицом давления великих держав Иригойен попытался объединить вокруг аргентинской позиции оставшиеся нейтральными латиноамериканские страны. С этой целью планировался созыв Конгресса нейтралов в Буэнос-Айресе в январе 1918 г. На конгрессе предполагалось выработать совместную позицию латиноамериканской части американского континента в отношении войны и послевоенного устройства. Иригойен был убежден, что в противном случае победители не посчитаются с законными устремлениями и национальными интересами латиноамериканских стран¹⁶.

Паниспаноамериканизм Иригойена, как стали называть позицию аргентинского президента, вступал в явное противоречие с панамериканизмом США. Под давлением последних конгресс не состоялся¹⁷.

По окончании войны Иригойен занял самостоятельную позицию в отношении послевоенного устройства. Первоначально он поддержал предложение президента США В. Вильсона о создании Лиги Наций. Но Лиги Наций, независимой от Версальской системы. Иригойен мыслил ее как инструмент международного мира, а не орудия в руках победителей для его нового передела. Отсюда идея Лиги Наций как универсальной международной организации, без деления их на победителей и побежденных¹⁸. Соответствующие предложения аргентинская делегация внесла на Женевской конференции по созданию Лиги Наций¹⁹. После того как они были отклонены, делегация по настоянию Иригойена покинула конференцию. По существу этим шагом аргентинский президент дал понять, что не принимает новый мировой порядок, установленный победителями.

Требование "исправления" касалось практически всех сторон жизни. Предложенная Иригойеном программа реформ затрагивала экономическую структуру, общественные отношения, систему образования. Ее проведение он мыслил в рамках солидарности, согласования интересов различных социальных групп и классов, в активном участии государства в экономической жизни.

Уже первые инициативы Иригойена ясно показали его стремление поставить экономику страны на службу национальным интересам. Он констатировал ее слабое развитие в условиях частной инициативы. По существу речь шла о пересмотре основопо-

¹⁶ Yrigoyen H. Pueblo y gobierno, t. VII, p. 33 – 34.

¹⁷ Foreign Relations of the United States. 1917. Supplement I. Washington, 1931, p. 289; Peterson H.F. Argentina and the United States. 1810–1964. New York, 1964, p. 333.

¹⁸ Yrigoyen H. Pueblo y gobierno, t. X, p. 38, 106–108, 208–211.

¹⁹ League of Nations. The Records of the First Assembly. Plenary Meetings. Geneva, 1920, p. 90–91.

лагающего принципа экономического либерализма – "государство наихудший администратор", которому следовали все предыдущие правительства.

Пересмотру подвергся и другой краеугольный камень прежней экономической политики: "благотворная" роль иностранного капитала. Иригойен критически оценивал результаты его деятельности, которая, по его словам, "не решила наших жизненных проблем в той степени, в какой это требует нация". Президента беспокоило отсутствие в обществе "понятия национального интереса". Задачу своего правительства он видел в "его поддержании и распространении"²⁰.

Иригойен понимал всю важность аграрного вопроса и прямо связывал дальнейший прогресс страны с его успешным решением. Правительственная политика ограничивалась пресечением дальнейшей концентрации земельной собственности, освоением новых земель и кредитной помощью фермерским хозяйствам, насаждение которых стало ее главной целью. В 1916 – 1922 гг. был разработан целый ряд законопроектов о колонизации государственных земель, создании кооперативов, сельскохозяйственного банка. Принятый конгрессом закон о сельскохозяйственной аренде увеличивал срок действия арендных договоров с 1 – 2 до 3 – 5 лет²¹. Закон впервые ставил границы принципу абсолютной свободы контракта и частной собственности.

Президент наметил политику, нацеленную на национализацию железных дорог, считая, что государство должно постепенно получить преобладающие позиции в предприятиях общественного пользования. Он утверждал право нации на транспорт как общественную службу²².

Иригойен считал, что "богатство земли, так же как и минеральные недра республики не могут, не должны быть объектом ничьей собственности, как только самой нации"²³. В годы первого президентства Иригойен еще не выдвигал требование национализации нефти. Вместе с тем правительство добилось расширения государственного участия в нефтедобыче и создания в 1922 г. ЯПФ – первой за пределами Советской России нефтяной государственной компании.

Иригойен видел во всеобщем просвещении народа залог существования в Аргентине демократической республики. Она не могла возникнуть вне национальных традиций. Идеалы демократии, гражданственности должны органично слиться с любовью к родине, патриотизмом. Главная роль возлагалась на школы, количество которых в стране значительно возросло. Президент стремился поднять общественный статус учителя, окружить престижем, который соответствовал "возложенной на него высокой миссии", создать достойные условия существования, обеспечив ему материальное благополучие²⁴. Иригойен активно поддержал начавшееся в 1918 г. движение за университетскую реформу, вмешавшись в забастовку на стороне студентов. Реформа преследовала цель демократизировать обучение путем участия студентов в управлении университетом. Университеты получили новые уставы, где гарантировалась их автономия²⁵.

Политика Иригойена вызвала ожесточенное сопротивление консерваторов. Завоевав исполнительную власть, радикалы оставались в меньшинстве в конгрессе. До 1920 г. они не имели твердого большинства в палате депутатов, а сенат так и остался под контролем консерваторов, что позволило им блокировать многие начинания правительства. Власть в большинстве провинций также находилась в руках консервативных политических группировок. Для смещения консерваторов Иригойен широко пользовался

²⁰ Argentina. Congreso nacional. Cámara de diputados. Diario de sesiones. 1917, t. II. Buenos Aires, 1917, p. 371 [Diputados].

²¹ Diputados 1916, t. IV. Buenos Aires, 1917, p. 2789–2790; Diputados. 1919, t. II. Buenos Aires, 1919, p. 615; Diputados. 1921, t. IV. Buenos Aires, 1922, p. 451–452.

²² Argentina. Congreso nacional. Cámara de senadores. 1920, t. II. Buenos Aires, 1922, p. 4–5 [Senadores].

²³ Historia argentina contemporánea, 1862–1930, v. 1, sec. II. Buenos Aires, 1963, p. 256.

²⁴ Yrigoyen H. Pueblo y gobierno, t. IV, p. 292.

²⁵ Walter R.T. Student Politics in Argentina. New York, 1964, p. 40–53.

ся конституционным правом "интервенции", что позволило радикалам оттеснить консерваторов от власти в ряде провинций.

По убеждению Иригойена, политическая демократия должна быть дополнена социальной справедливостью. В основе его рабочей политики лежал принцип "всеобщего блага", и она преследовала цель, чтобы "под аргентинским небом не было ни одного обездоленного"²⁶. Иригойен видел смысл своей политики в установлении равновесия "между двумя великими силами, всегда находящимися в борьбе: капиталом и трудом"²⁷. Взаимоотношения между ними призвано регулировать законодательство, которое не должно ущемлять интересов ни одной из сторон. В задачу государственной власти входило наблюдение за правильным и взаимным выполнением обязанностей и прав тех и других. Свой идеал социального устройства Иригойен выразил в следующих словах: "И таким образом, капиталист смог бы подсчитать свои доходы с большей уверенностью, и рабочий, в свою очередь, имел бы гарантию, что будут использованы его труд и продукт его труда, и обе сущности – капитал и труд – в гармоничном сотрудничестве своих сил способствовали бы созданию всеобщего благосостояния"²⁸.

Президентство Иригойена пришлось на время подъема забастовочной борьбы пролетариата в 1917–1921 г., совпавший с Октябрьской революцией в России, которая оказала большое идейное влияние и на передовых аргентинских рабочих. В основе стачечной борьбы лежали экономические причины.

Иригойен с пониманием отнесся ко многим забастовкам, поддержал требования рабочих о повышении заработной платы и улучшения условий труда. Забастовщики перестали быть "преступниками" и получили возможность свободной деятельности. Президент стал принимать рабочие делегации и активно участвовать в разрешении трудовых споров.

Угроза забастовок вынудила крупнейшие предпринимательские организации, а также иностранные компании объединиться и создать в 1918 г. Национальную ассоциацию труда, которая потребовала от президента подавления забастовок. В ответ на это Иригойен заявил олигархам: "Поймите, сеньоры, что привилегиям в стране пришел конец. Отныне вооруженные силы нации не двинутся, как только в защиту ее чести и целостности"²⁹.

Дальнейшее развитие забастовочной борьбы, кульминацией которой стала всеобщая забастовка пролетариата Буэнос-Айреса в январе 1919 г., сопровождавшаяся вооруженными столкновениями рабочих с полицией, и вошедшая в историю страны под названием "трагическая неделя", заставило Иригойена занять определенную классовую позицию. В Буэнос-Айрес вошли войска. На всеобщую забастовку господствующие классы ответили созданием полувоенной террористической организации – "Патриотической лиги", объединившей в борьбе с рабочим движением все имущие слои от латифундистов до мелкой буржуазии, в том числе радикалов. Создание "Патриотической лиги" отражало широко распространенный среди имущих классов взгляд, что Иригойен не может контролировать забастовки и своими действиями, точнее бездействием, открывает дорогу революционному движению. Среди части генералитета обсуждались планы военного переворота. От попытки военного переворота Иригойена спасло то, что командующий гарнизоном Буэнос-Айрес являлся его сторонником.

В последующие несколько лет, вплоть до спада забастовочной борьбы в конце 1921 г., "Патриотическая лига" оставалась наиболее могущественной политической силой в стране, препятствуя Иригойену добиваться мирного решения трудовых конфликтов и заставляя его прибегать к репрессиям, как, например, во время забастовки батраков в Патагонии.

²⁶ Kamia D. Entre Yrigoyen e Ingenieros. Buenos Aires, 1957, p. 19.

²⁷ Yrigoyen H. Mi vida y mi doctrina, p. 50.

²⁸ Yrigoyen H. Pueblo y gobierno, t. IV, p. 133.

²⁹ Senadores. 1925, t. II. Buenos Aires, 1926, p. 328.

Вынужденное изменение поведения Иригойена объяснялось также противодействием его рабочей политике внутри самой радикальной партии. Уступкой правому крылу ГРС стало выдвижение Иригойеном на президентских выборах 1922 г. кандидатуры М.Т. де Альвеара. Приход к власти Альвеара создал благоприятную для правых радикалов возможность бросить открытый вызов реформизму Иригойена, его политике "исправления". В 1924 г. единый прежде ГРС раскололся на ГРС персоналистов – сторонников Иригойена и ГРС антиперсоналистов – его противников.

Истинная причина раскола ГРС лежала не в персонализме Иригойена, а имела социальные корни, касалась путей дальнейшего развития страны. Антиперсоналисты выступали против превращения радикализма в широкое социальное движение. Это были те самые радикалы, которые в 1917 г. ратовали за вступление Аргентины в мировую войну на стороне союзников и выступали против провозглашенной Иригойеном политики национального обновления.

Консервативные силы могли быть довольны правительством Альвеара. Его министры принадлежали к высшему столичному обществу. Из Розового дома исчезли толпы просителей и вернулись спокойствие и тишина времен консервативного режима. Не случайно новому президенту при появлении его на бегах, где обычно собирался "высший свет", устроили овацию.

Деятельность правительства Альвеара (1922 – 1928), чей демократизм ограничивался формальным соблюдением прав и свобод, записанных в конституции, пришлось на период экономической стабилизации. В стране в основном соблюдались демократические свободы и легально действовали общественно-политические организации самой различной ориентации.

Поначалу Альвеар, казалось, следовал курсу Иригойена, но вскоре стал отходить от него. Новое правительство свернуло начатое Иригойеном строительство государственных железных дорог во внутренних провинциях, призванных сыграть важную роль в развитии внутреннего рынка и в переориентации аргентинской внешней торговли на латиноамериканские страны. Прекратилось возвращение государству незаконно отчужденной земли. Принятие закона о сельскохозяйственных кооперативах не сопровождалось созданием широкого дешевого кредита для фермерских хозяйств. Расширялась деятельность иностранных нефтяных компаний, особенно после открытия новых месторождений нефти в провинции Сальта.

Правительство Альвеара отказалось от дальнейшей разработки и принятия социального законодательства, а уже принятые законы подверглись изменениям в сторону ущемления прав рабочих. Столь же консервативный курс был взят в отношении университетской реформы. Формальное признание университетской автономии сопровождалось правительственными интервенциями в университеты, носившими откровенно антиреформистский характер. Альвеара и Иригойена отличало разное понимание места Аргентины в мире. В отличие от своего предшественника Альвеар стремился следовать в фарватере великих держав. Отсюда его настойчивое, но безуспешное стремление вернуть Аргентину в Лигу Наций.

Президент Альвеар первоначально солидаризировался с антиперсоналистами, но затем занял компромиссную позицию, желая воссоздать единый ГРС. Поэтому он не оказал поддержки антиперсоналистам на выборах 1928 г.

Большинство радикалов осталось с Иригойеном. На президентских выборах 1928 г. единый фронт антиперсоналистов и консерваторов потерпел поражение. Победа досталась Иригойену, который, выражая общенациональные требования, выступил с призывом национализировать нефть. По существу выборы превратились в плебисцит: за или против Иригойена. 12 октября 1928 г. Иригойен в возрасте 76 лет во второй раз вступил в должность президента.

Второе президентство Иригойена продолжило ранее намеченную лидером радикалов политику реформ, а борьба за национализацию нефти и государственную монополию на ее разработку и сбыт означала выход за рамки обычной реформы. По существу речь шла о серьезном структурном преобразовании, которое могло иметь много-

образное влияние как на экономику, так и политику страны. Нефтяные предложения Иригойена давали всей его программе тот стержень, которого не хватало ей в годы первого президентства, когда многочисленные проекты реформ так и остались на бумаге. Успешное проведение в жизнь нефтяной политики Иригойена открыло бы перед Аргентиной перспективу самостоятельного экономического развития и выхода за рамки агроэкспортной экономики, которая к концу 20-х годов XX в. вступила в полосу кризиса.

Иригойен постарался извлечь уроки из собственного печального опыта 1917 – 1921 гг., когда единый фронт олигархии и иностранного капитала сорвал многие его прогрессивные начинания. Избежать повторения такого развития событий в отношении нефти стало его важнейшей целью. Для успеха имелись серьезные основания. Нефть не занимала важного места в системе интересов могущественного в стране британского капитала и тесно связанной с ним олигархии, чьи интересы преимущественно сосредоточивались в Пампе. Кроме того, лидирующее положение в нефтедобыче среди частных компаний занимал американский капитал, что только усиливало традиционное англо-американское соперничество. К тому же сложилась любопытная ситуация: национализация нефти затрагивала интересы прежде всего американского капитала, но у аграрных магнатов возникли серьезные торговые противоречия с американцами, поскольку США закрыли доступ аргентинскому мясу на американский рынок.

Используя эту ситуацию, Иригойен постарался выказать себя не только защитником национального суверенитета, но и поборником интересов господствующих классов. Правительство активно поддержало выдвинутый аргентинским сельскохозяйственным обществом лозунг "Покупай у тех, кто покупает у нас". Предупреждая возможный нефтяной бойкот со стороны международных монополий, ЯПФ начала переговоры с советским акционерным обществом "Южамторг" о закупке по твердым ценам советской нефти в обмен на аргентинскую сельскохозяйственную продукцию³⁰.

В 1929 г. представлялось, что Иригойену удалось разьединить своих потенциальных противников и обеспечить благоприятные условия для национализации нефти. Все изменилось с первыми потрясениями, вызванными мировым экономическим кризисом. Кризис привел к ухудшению жизненного уровня широких слоев населения, что сразу сказалось на популярности ГРС среди избирателей. Мартовские выборы 1930 г. в конгресс явились серьезным предупреждением для радикалов, которые впервые утратили большинство в столице.

Антикризисные меры правительства Иригойена – отмена конвертируемости песо, инфляционная политика – серьезно затронули интересы господствующих классов. 25 августа в совместном меморандуме сельскохозяйственное общество, промышленный союз и торговая биржа потребовали от правительства значительно сократить государственные расходы, восстановить конвертируемость песо и положить конец его обесцениению³¹. Несколько ранее консерваторы, антиперсоналисты и независимые социалисты в совместном манифесте обвинили правительство в бездеятельности перед лицом "серьезного экономического кризиса, в результате обесценения нашей валюты"³².

К этому времени в армии созрел заговор во главе с генералом Х.Ф. Урибуру с целью свержения Иригойена.

Кризис охватил и саму радикальную партию. Далеко не все радикалы следовали моральным принципам своего лидера. Коррупция, злоупотребление властью затронули и многих руководителей ГРС. Но Иригойен не верил этому. В малейшей критике своих соратников он усматривал интриги людей "режима". Сам президент дряхлел на глазах, годы брали свое. Он уже не мог работать как прежде и контролировать деятельность министров, оказался изолированным своим окружением от внешнего мира.

³⁰ Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 11.

³¹ Там же, ф. 495, оп. 134, д. 176, л. 12.

³² *Sarobe J.M.* Memorias sobre la revolución de septiembre de 1930. Buenos Aires, 1957, p. 272.

Иригойен был убежден, что его популярность в народе достаточна, чтобы преодолеть все трудности. Тем же, кто настойчиво высказывал озабоченность создавшимся положением, он неизменно отвечал: "Ничего не произойдет. Это временное политическое возбуждение, последствие последних выборов, которое пройдет"³³.

Результаты мартовских выборов не были серьезно проанализированы радикалами. Вместо этого различные фракции внутри ГРС и правительства стали плести интриги, которые сводились к следующему: чтобы преодолеть кризис и удержаться у власти, необходимо пожертвовать президентом. Началась борьба за место наследника Иригойена. 5 сентября Иригойен в связи с болезнью передал свои полномочия вице-президенту Э. Мартинесу.

Пользуясь разбродом в ГРС, военные во главе с Урибуру 6 сентября совершили государственный переворот. В этот день на улицах Буэнос-Айреса неистовствовала толпа. Был подожжен и разграблен дом Иригойена. Сам он был арестован и помещен на остров Мартин Гарсия в устье Ла-Платы.

Больной, покинутый своими сторонниками Иригойен стойко переносил испытания. Окружающие не слышали от него жалоб. Своим близким он сказал, что "нужно начинать все сначала". Возражая тем, кто утверждал, что переворот направлен против него, он говорил: "Нет, переворот был не против меня, а против достигнутых завоеваний"³⁴.

Иригойен умер 3 июля 1933 г. Его похороны превратились в огромную народную манифестацию. Сотни тысяч людей шли за его гробом. Рабочие многих предприятий прекратили работу. Среди провожавших Иригойена в последний путь раздавались возгласы: "Он был отцом бедных! Он был создателем нашей демократии!"

После смерти Иригойена и прихода к руководству радикальной партии Альвеара ГРС остался в орбите либеральной политики, не смог ответить на вызов времени и утратил ведущие позиции в политической жизни страны, открыв тем самым путь для появления перонистского движения. Перон стал наследником и продолжателем дела Иригойена. По существу оба лидера преследовали одну и ту же цель: построение социально справедливой, политически суверенной и экономически независимой Аргентины. В исторической ретроспективе иригойенизм предстает как первая, по времени возникновения, форма национал-реформизма, который в последующие десятилетия получил широкое распространение в странах Латинской Америки, встав во многих из них у руля государственного управления.

³³ *Del Mazo G., Etchepareborda R.* La segunda presidencia de Yrigoyen. Buenos Aires, 1983, p. 133.

³⁴ *Galvez M.* Op. cit., p. 437–438.